

Шостъин А. П. Личность в иезуитизме: По поводу выхода графа Генсбреха [=P. Honsbroech] из ордена иезуитов // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 1. С. 100–108 (1-я пагин.). (Начало.)

ЛИЧНОСТЬ ВЪ ІЕЗУИТИЗМѢ.

По поводу выхода графа Р. Ноенсбрехъ'а изъ ордена иезуитовъ.

Въ истекшемъ году въ католическомъ мірѣ случилось довольно рѣдкостное событіе: изъ иезуитскаго ордена формально вышелъ одинъ изъ равностнѣйшихъ членовъ его, пробывшій въ немъ 13 лѣтъ и въ свое время немало написавшій въ защиту ордена противъ разныхъ нареканій. Это, именно графъ П. Генсбрехъ. Рѣшившись на такой смѣлый шагъ, онъ счелъ долгомъ объяснить свой поступокъ и съ этою цѣлью напечаталъ брошюру, подъ заглавіемъ: „Мой выходъ изъ иезуитскаго ордена“¹⁾. Въ ней онъ и изъясняетъ тѣ основанія, какія побудили его разстаться съ иезуитствомъ.

Читатель напрасно сталъ бы ожидать отъ этой брошюры скандальнаго разоблаченія тѣхъ темныхъ сторонъ иезуитства, о которыхъ всего болѣе привыкли говорить у насъ и которыя указываются обыкновенно въ пресловутой морали ордена. Объ этомъ въ брошюрѣ почти ничего не говорится. Авторъ даже готовъ принять эту мораль подъ свою защиту и мимоходомъ съ рѣшительностію заявляетъ, что „столь много поносимая всѣми мораль иезуитовъ образуетъ

¹⁾ Mein Austritt aus dem Jesuitenorden. Graf Paul von Hoensbroech (S. 1—45. Berlin, 1893). Въ теченіе одного года брошюра эта выдержала нѣсколько изданій, по крайней мѣрѣ—6, если не болѣе. Хотя предъ нами только *третье* изданіе ея, но изъ Theolog. Literaturzeitung v. Harnack u. Schürer мы знаемъ, что уже въ іюль мѣсяцъ явилось *шестое* изданіе. Весьма возможно, что и во вторую половину года также послѣдовали еще новыя изданія ея.

изъ членовъ ордена мужей самаго безупречнаго и чистаго образа жизни“ (стр. 10). Не распространяясь поэтому о морали ордена, авторъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на выясненіи другихъ сторонъ иезуитства, о которыхъ обыкновенно очень мало говорятъ, по которыя имѣютъ значеніе не меньшее, чѣмъ самая мораль. Оттого брошюра получаетъ особый интересъ и пройти ее молчаніемъ было бы непозволительно.

Не въ сомнительной морали ордена Исусова указываетъ графъ Гёнсбрехъ причину отпаденія своего. Такою причиною послужили для него два другихъ обстоятельства, именно:

1) *Иезуитизмъ подавляетъ, даже въ известной степени уничтожаетъ самостоятельность, характеръ, индивидуальность каждаго отдельнаго члена*“ (стр. 11).

2) *„Иезуитизмъ подавляетъ, даже въ известной степени уничтожаетъ законное чувство національности, законный патриотизмъ“* (стр. 38).

Въ такихъ словахъ Гёнсбрехъ самъ формулируетъ ту двойственную причину, которая оттолкнула его отъ иезуитизма и сдѣлала невыносимымъ для него дальнѣйшее пребываніе въ орденѣ. Всестороннему разъясненію этихъ-то двухъ пунктовъ и посвящена почти вся его брошюра.

Въ высшей степени поучительно то, что повѣствуетъ авторъ по первому пункту на основаніи собственнаго опыта, пріобрѣтеннаго въ продолженіе 13-лѣтней жизни въ орденѣ. Послѣдуемъ его разсказу.

Замѣтивъ предварительно, что каждый человѣкъ имѣетъ прирожденное неотъемлемое право на свободное развитіе своей духовной индивидуальности и что никакое общество, какъ бы святы и возвышенны цѣли его ни были, не можетъ требовать отъ своихъ членовъ отреченія отъ этого естественнаго права, — авторъ показываетъ далѣе, какъ грубо и беспощадно попираетъ иезуитизмъ это самое, Богомъ дарованное человѣку, право. — Духовная индивидуальность человѣка проявляется, главнымъ образомъ, въ трехъ направленіяхъ: въ обычной повседневной жизни, въ научной дѣятельности и наконецъ въ сферѣ религіозно-аскетическаго самоусовершенствованія; — во всѣхъ этихъ направленіяхъ иезуитизмъ систематически стремится нивелировать духовную самодѣятельность и самостоятельность своихъ членовъ,

неуклонно втискивая всѣхъ въ одинъ всеобъемлющій шаблонъ. И такое подавленіе индивидуальных особенностей въ людяхъ оказывается, по словамъ автора, „тѣмъ сильнѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ менѣе оно заявляетъ себя въ какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятіяхъ. Это—капля воды, которая выдалбливаетъ камень медленно, но вѣрно; тихо, безшумно сглаживаетъ она его и отшлифовываетъ, не нанося поврежденія грубыми порывами. Почти незамѣтно, какъ бы само собою, указанное давленіе забираетъ въ руки всякаго вступающаго въ орденъ; оно захватываетъ его цѣликомъ, тѣло и душу, со дня на день, изъ году въ годъ; оно сопровождаетъ его при всѣхъ его дѣйствіяхъ и не покидаетъ уже болѣе, пока не dokonчитъ превращенія и не разрушитъ названной самостоятельности, или—пока самъ захваченный, распознавъ принудительность и незаконность давленія, не попытается освободиться отъ него навсегда“ (стр. 13).

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ *обычной повседневной жизни* иезуитскаго ордена, авторъ настойчиво обращаетъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что громадное большинство вступающихъ въ орденъ является совсѣмъ молодыми юношами въ возрастѣ 16—20 лѣтъ, и что всѣ они рѣшаются на этотъ шагъ; конечно, изъ самыхъ благородныхъ побужденій, съ полною преданностію дѣлу. Эта молодость и эта восторженность поступающихъ вновь членовъ сильно помогаютъ иезуитской нивелировкѣ:—юношескій характеръ самъ по себѣ уже воспримчивъ, а восторженная преданность еще болѣе усиливаетъ эту воспримчивость къ стороннимъ вліяніямъ ¹⁾.

Жизнь въ орденѣ для поступающихъ въ него молодыхъ людей начинается двухъ лѣтнимъ періодомъ *повицати*. Въ

¹⁾ Здѣсь не лишне замѣтить, что самъ авторъ поступилъ въ орденъ сравнительно въ старшемъ уже возрастѣ, именно—26 лѣтъ. Ранѣе поступленія въ орденъ онъ окончилъ свое юридическое образованіе, побывалъ на государственной службѣ, немало путешествовалъ и много повидалъ,—словомъ, былъ вполне зрѣлымъ мужемъ, способнымъ къ самостоятельному сужденію. И онъ считаетъ себя обязаннымъ этому обстоятельству своимъ избавленіемъ отъ оковъ иезуитизма. „Если бы я,—говоритъ онъ,—подобно многимъ, подобно большинству другихъ, поступилъ въ орденъ совсѣмъ юнымъ и недоразвитымъ, то внутреннее превращеніе мое, быть можетъ, совершилось бы и я воспринялъ бы въ себя духъ иезуитизма“ (стр. 6).

этомъ періодѣ (равно какъ и въ послѣдующихъ стадіяхъ иезуитской жизни) самое распредѣленіе дневныхъ занятій составлено съ такимъ искусствомъ и въ такихъ мельчайшихъ подробностяхъ, что для самостоятельнаго развитія вѣшняго и внутренняго человѣка не оставляется никакого мѣста. „Не только на каждый часъ, — говоритъ авторъ, — но и на каждую четверть часа, даже на болѣе мелкіе промежутки времени, новицію въ точности предписано, *что* онъ долженъ дѣлать. И именно въ этихъ, столь часто повторяющихся и такъ быстро другъ за другомъ слѣдующихъ, перерывахъ дѣятельности заключается сильнѣйшее средство къ уничтоженію самостоятельности. — Воля, склонность къ какой бы то ни было дѣятельности, окончательно притупляется. Всякій напередъ уже знаетъ, что то, что онъ теперь дѣлаетъ, продолжится недолго, но крайней мѣрѣ — до извѣстнаго только момента, а можетъ статься, что знакъ къ прекращенію этого дѣла будетъ поданъ еще ранѣе и придется обратиться къ другому занятію. Такимъ образомъ постепенно привыкаютъ безъ особенныхъ внутреннихъ затрудненій переходить отъ одного занятія къ другому; каждый можетъ быть оторванъ отъ дѣла и вновь къ нему приставленъ, можетъ быть посланъ куда-либо и тотчасъ же возвращенъ назадъ; 5 минутъ здѣсь, 10 минутъ тамъ; полчаса въ кухнѣ, часъ въ амбарѣ; сегодня съ метлою, завтра съ заступомъ въ рукѣ“.

„Посредствомъ всего этого достигается машинная рутина, легкая подвижность и ловкость; но въ той же самой мѣрѣ теряется индивидуальная самостоятельность. Своенравіе такимъ путемъ, безъ сомнѣнія, искореняется и пріобрѣтается пунктуальное послушаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ волѣ вообще наносится сильный ударъ“ (стр. 15—16).

„Извѣстный фактъ, — продолжаетъ далѣе Генсбрехъ, — что индивидуальность отпечатлѣвается и на обстановкѣ, въ которой человѣкъ живетъ, и на комнатѣ, въ которой онъ помѣщается, и на вещахъ, которыми онъ пользуется; съ другой стороны, самая индивидуальность получаетъ возбужденіе и поддержку отъ своеобразнаго качества всѣхъ этихъ предметовъ.... И этого союзника индивидуальности иезуиты также сумѣли побороть. — Иезуитскому новицію не только на каждую четверть часа предписано, *что* онъ долженъ

дѣлать, но и *мѣсто*, въ которомъ онъ долженъ находиться; *родъ* и *способъ*, какимъ онъ долженъ совершить назначенныя ему дѣла, также предуказанъ ему до мелочей. Въ продолженіе двухъ лѣтъ своего новиціата онъ нѣсколько разъ долженъ мѣнять комнату, которая служитъ ему жилищемъ; и самое мѣсто, на которомъ стоятъ его письменный пюпитръ и кровать, также непостоянно;—иначе вѣдь это содѣйствовало бы укрѣпленію его индивидуальности“.

„Все своеобразное, всѣ характеристическія особенности, которыя даютъ отпечатокъ личности даже во *внѣшности*, новиціи должны отбросить. Походка, держаніе рукъ, взглядъ глазъ, наклоненіе головы, положеніе и движеніе всего корпуса опредѣлены точными предписаніями“.

„Буквально ничего не предоставлено свободному самоопредѣленію новиціи. Хочетъ онъ выпить глотокъ воды, — онъ долженъ просить позволенія; хочетъ онъ употребить въ дѣло клочекъ бумаги, книгу, карандашъ, — онъ долженъ просить позволенія“ (стр. 16—17).

Къ той же самой цѣли, къ возможно-большему подавленію личной самостоятельности въ новиціяхъ, ведетъ и учрежденіе такъ-называемыхъ „*ангеловъ-хранителей*“ (Schutzengel). Сущность этого учрежденія, — въ оригинальномъ названіи котораго нельзя не видѣть нѣсколько легкомысленнаго, если не кощунственнаго, отношенія оо. іезуитовъ къ предметамъ вѣры, — заключается въ слѣдующемъ: каждому новицію при началѣ новиціатства дается изъ среды товарищей „ангелъ-хранитель“, для котораго онъ взаимно является таковымъ же; они обязаны зорко слѣдить другъ за другомъ и ежедневно въ опредѣленный часъ указывать другъ-другу на проступки, которые они учинили въ тотъ день и которые каждый изъ нихъ подмѣтилъ за другимъ. Сила и дѣйствіе этого учрежденія увеличивается еще оттого, что нѣсколько разъ въ году, въ присутствіи наставника новиціевъ и всѣхъ сотоварищей, совершается такъ-называемое „*побіеніе камнями*“ (lapidatio); т. е.: извѣстный новиціи (для каждаго приходитъ своя очередь) долженъ стать на колѣна, — и тогда всякій изъ остальныхъ новиціевъ можетъ высказывать ему порицаніе за тѣ внѣшнія погрѣшности, какія онъ за нимъ примѣтилъ. И вотъ слышится съ разныхъ сторонъ: то—NN ходитъ слишкомъ быстро,

то—онъ ходитъ слишкомъ медленно; то—онъ слишкомъ часто оглядывается по сторонамъ, то—онъ слишкомъ упорно смотритъ прямо предъ собою; онъ говоритъ слишкомъ громко,—слишкомъ тихо,—и т. д. „Конечно,—добавляетъ авторъ,—такимъ способомъ часто устраняются дѣйствительно некрасивыя угловатости; но въ общемъ и непрерывномъ своемъ дѣйствіи способъ этотъ является усиленнымъ вытравливаніемъ индивидуальности и ея законныхъ обнаруженій. Послѣ столь часто получаемыхъ указаній и предостереженій (къ тому же—публичныхъ, прибавимъ мы) индивидуальность мало по малу начинаетъ уже бояться выступать наружу; она разстается съ своей самостоятельностью и своими особенностями, втягивается въ одну общую форму“ (стр. 17—18).

Преслѣдуя неуклонно шагъ за шагомъ всякое проявленіе личной самостоятельности въ своихъ новиціяхъ, иезуиты не предоставляютъ ихъ самимъ себѣ даже въ часы отдыха и прогулокъ. „Время ежедневнаго отдыха, — говоритъ Гёнсбрехъ, — юный иезуитъ не можетъ проводить съ кѣмъ бы ему хотѣлось изъ сотоварищей по ордену, но на каждую недѣлю ему назначаются совершенно опредѣленныя личности и только съ этими онъ можетъ разговаривать. Тоже самое имѣетъ мѣсто и при еженедѣльныхъ прогулкахъ“. —Это и понятно, замѣтимъ мы. Позволь иезуитизмъ своимъ юнымъ прозелитамъ въ часы досуга сходиться и бесѣдовать кому съ кѣмъ хочется,—онъ не могъ бы воспрепятствовать возникновенію и упроченію среди нихъ *дружбы*. А развѣ мирится дружба съ системой иезуитизма? Вѣдь, дружба всегда индивидуальна. (Не даромъ говорится: „скажи мнѣ, кто твой другъ,—и я скажу тебѣ, кто ты“). У друзей всегда найдется нѣчто общее для нихъ и особенное отъ другихъ, до чего другимъ и дѣла нѣтъ. Въ устахъ дружества извѣстныхъ лицъ невольно сказывается общность интересовъ, стремленій, завѣтныхъ влеченій и убѣжденій, словомъ—то, что называется сродствомъ душъ,—и не только сказывается, но и находитъ себѣ поддержку. Какъ же могъ бы допустить все это иезуитизмъ, когда онъ такъ настойчиво и систематически стремится къ полному обезличенію своихъ адептовъ? Какъ могъ бы онъ признать сродство нѣкоторыхъ душъ, въ ихъ обособленности и отличіи отъ прочихъ, когда въ

немъ *всѣ* души обязательно должны походить другъ на друга и потому каждый долженъ быть одинаково расположенъ ко *всѣмъ* и ни къ кому въ особенности?!

Послѣ всякихъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ отдыховъ и прогулокъ каждый новицій обязанъ еще представить своему наставнику или его замѣстителю точный отчетъ (по большей части даже письменный) обо *всѣмъ*, что происходило и говорилось во время ихъ. Наконецъ, дважды въ году, при возобновленіи обѣтовъ, начальство собираетъ такъ-называемый *домашній советъ*, состоящій изъ старѣйшихъ отцовъ, живущихъ въ томъ же домѣ, — и въ этомъ советѣ новиціи снова подвергаются подробнѣйшимъ допросамъ. — Впрочемъ, это послѣднее, — по замѣчанію автора. — равно какъ и учрежденіе „ангеловъ—хранителей“, установлено не только для времени новиціата, но и на все время образованія молодого іезуита, слѣдовательно — продолжается нерѣдко 12—14 лѣтъ (стр. 18—19).

„Все доселѣ упомянутое составляетъ такія предписанія и правила, которымъ обязанъ подчиниться каждый. Но къ этому присоединяется еще множество советовъ и руководственныхъ наставленій, которыя конечно будутъ не менѣе дѣйственными, чѣмъ и тѣ общеобязательныя правила, если только новиціи станутъ слѣдовать имъ съ охотою. Такъ напр. имѣются советы относительно того, какъ ѣсть и пить, какъ говорить, ходить или сидѣть; есть советы, какъ раздѣваться (передъ сномъ), въ какомъ положеніи спать и какъ одѣваться; кратко сказать, — *всѣ* человекъ во *всѣхъ* его движеніяхъ и внѣшнихъ приемахъ, во время дня и ночи, отливаеся по извѣстной модели (gemodelt wird)“.

Авторъ заканчиваетъ свою характеристику обычной ежедневной жизни въ іезуитскомъ орденѣ указаніемъ на знаменитыя „*правила скромности*“ (regulae modestiae). Содержание этихъ правилъ, по его мнѣнію, можно кратко выразить въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ: „не морщить лба и еще менѣе носа (!); не стискивать губъ, но и не развѣшивать ихъ; при разговорѣ не смотрѣть собесѣднику въ глаза, но имѣть взоръ нѣсколько опущеннымъ; руки держать покойно; въ выраженіи лица не обнаруживать сильныхъ душевныхъ движеній, но всегда показывать ровную

веселость; походка всегда должна ¹быть умѣренна; смѣхъ не долженъ быть громкимъ“.

„Представте только себѣ человѣка, — заключаетъ авторъ, — который при разговорѣ никогда не смотритъ вамъ въ глаза; — неестественность будетъ прямо очевидна“ (стр. 19—20).

Справедливость требуетъ здѣсь добавить, что всѣмъ такимъ правиламъ молодые иезуиты *должны* слѣдовать, но въ дѣйствительности это не всегда исполняется. Здоровая натура молодости нерѣдко возмущается; и какъ бы ни слѣдилъ орденъ за выполненіемъ своихъ правилъ и совѣтовъ, однако-жъ иезуита, который слѣдовалъ бы *всѣмъ* имъ и *вполнѣ*, — по словамъ автора, — нѣтъ и быть не можетъ. „И слава Богу! — восклицаетъ при этомъ Гёпсбрехъ, — потому что въ противномъ случаѣ болѣе чѣмъ 10,000 живыхъ людей превратилось бы въ движущіяся куклы“.

Не смѣемъ спорить съ авторомъ по поводу этой его оговорки, что не найдется ни одного иезуита, который вполнѣ слѣдовалъ бы всѣмъ правиламъ и предписаніямъ ордена. Ему, пробывшему въ иезуитскомъ орденѣ 13 лѣтъ, это конечно лучше извѣстно по собственному опыту и непосредственному наблюденію, нежели намъ, знающимъ жизнь ордена лишь по книжкамъ. Но позволимъ себѣ здѣсь обратить вниманіе читателей на слѣдующее обстоятельство. Самъ же авторъ нашъ подчеркнулъ выше юный впечатлительный возрастъ и восторженное настроеніе поступающихъ вновь прозелитовъ ордена; а въ другомъ мѣстѣ брошюры (стр. 17) онъ прекрасно разъясняетъ, какъ эти восторженные юноши, мнящіе найти въ иезуитствѣ истинныхъ послѣдователей Иисуса, осуществляющихъ идеалъ христіанской жизни, заботятся о самомъ добросовѣтномъ выполненіи всего имъ предписаннаго, какой подвигъ внутренней борьбы и преодоленія своей природы пріемлютъ они на себя изъ благороднаго стремленія угодить этимъ Богу и достигнуть истинно-христіанскаго совершенства. Если примемъ все это во вниманіе и если добавимъ къ этому, что описанная борьба съ собственной природою, которой съ такимъ увлеченіемъ отдаются юные иезуиты, не ограничивается внутреннею только собственно-нравственною сферою и не есть борьба только

противъ грѣха и порочныхъ склонностей, но захватываетъ рѣшительно *всего* человѣка, даже съ самыми невинными и безгрѣшными влеченіями его природы, даже съ его виѣшними пріемами и манерами, то мы поймемъ тогда съ ясностію, какой беспощадной и всеобщей ломкѣ подвергается въ іезуитизмѣ личность человѣческая. „Можетъ быть, — скажемъ мы тогда, — дѣйствительно не найдется ни одного іезуита, который слѣдовалъ бы въ точности всѣмъ предписаніямъ ордена и изъ живаго человѣка превратился бы въ движущуюся куклу; но столь же несомнѣннымъ должно быть и то, что во всемъ іезуитскомъ орденѣ не найдется также ни одного человѣка, который остался бы живою, цѣлостною, самостоятельною, вѣрною своимъ природнымъ задаткамъ, *личностію*“.

(Окончаніе будетъ).

А. Шостъинъ.
